

бастилии Сен-Лу, находившейся против одноименных островов на отшибе от других английских крепостей. Об этом предприятии не известили ни Жанну, ни предводителей городского ополчения. Если удастся быстро и тайно провести задуманное, рассуждали капитаны, это явится залогом дальнейших успехов. Жанна, увидев, что в военных операциях обходятся без нее, смирился со своим положением, а это успокоит чернь.

Все господа были единомышленны. Дюнуа придерживался того же мнения, но, в противовес остальным, казался настроенным довольно кисло. Он был более проницателен и умен, чем другие. Он хорошо присмотрелся к Жанне и сомневался, чтобы так легко удалось сбросить ее со счета. В состоянии тяжкого раздумья он отправился к Буше. Разговор с Девой еще больше укрепил его неуверенность. Он все же посоветовал Жанне лечь отдохнуть и ушел с беспокойным сердцем, зная, что как раз в это время рыцари готовятся к сражению.

Так начал оформляться этот заговор. То был заговор патрициев против плебеев, господ против податных, попов и сеньоров против народной геронии. Он был закономерен. Люди «голубой крови» и вековых привилегий не желали стать на равную ногу со вчерашними рабами, а вчерашние рабы не могли испытывать любви и признательности к своим угнетателям. Перед этой социальной ненавистью бледнела злоба к внешнему врагу. Знатные были готовы заключить перемирие с годонами, как некогда, в дни Жакерии. Но теперь народ не дал бы им этого сделать. Все эти тысячи тружеников, простые мужики и обремененные налогами горожане, становились подлинными сынами рождающейся французской нации. Разбуженные мощным патриотическим порывом, они не собирались вновь погружаться в дремоту. Поручкой тому была их Дева, призванная жизнью и во имя жизни совершить свой бессмертный подвиг.